

Человек из мира Джека Лондона.

Памяти зоолога Александра Андреева

На берегу оз. Пеку-Цо (Pekhu Tso), юго-западный Тибет, высота 4590 м, 2 июля 2018 года. Фото Н.И. Неупокоевой

Вечером 7 декабря 2020 года у себя дома в Санкт-Петербурге на 73-м году жизни после тяжелого онкологического заболевания скончался Александр Владимирович Андреев, замечательный ученый, заведующий лабораторией орнитологии Института биологических проблем Севера Дальневосточного отделения РАН, докт. биол. наук, зоолог с международной репутацией, автор множества статей и книг (опубликованных на русском, английском, немецком и японском языках). Это печальное известие потрясло многих людей, живущих в разных концах нашей огромной страны и за рубежом.

Саша был моим однокурсником и одним из ближайших друзей уже больше полувека. После пребывания в больницах и операции, в день его рождения, 12 ноября, Сашу выписали и он был перевезен домой. Мы, его друзья, конечно, надеялись на восстановление его здоровья. 6 декабря я даже послал по электронной почте письмо Сашиной жене с просьбой уточнить у него русские названия птиц, которых он упоминал в нашей пока еще не опубликованной статье о последней экспедиции Санкт-Петербургского союза ученых в Западные Гималаи в 2019 году...

Саша родился в 1948 году в Ленинграде в семье профессионального художника. Учился на биолого-почвенном факультете Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова (кафедра зоологии позвоночных животных). Рано увлекся орнитологией. После окончания университета в 1971 году принял смелое и для многих тогда странное решение: уехать в Магадан — далеко не райское место на земле.

В те годы этот город в памяти ленинградцев среднего и тем более пожилого возраста невольно ассоциировался не столько с наукой, сколько со сталинскими репрессиями и колымскими лагерями. Многие из нас знали об этом из семейных историй (книга А. И. Солженицына о ГУЛАГе была опубликована в Париже лишь в самом конце 1973 года), а здание КГБ в нашем городском фольклоре до сих пор называют «Большим домом», хотя он не самый большой — просто оттуда «Магадан видно».

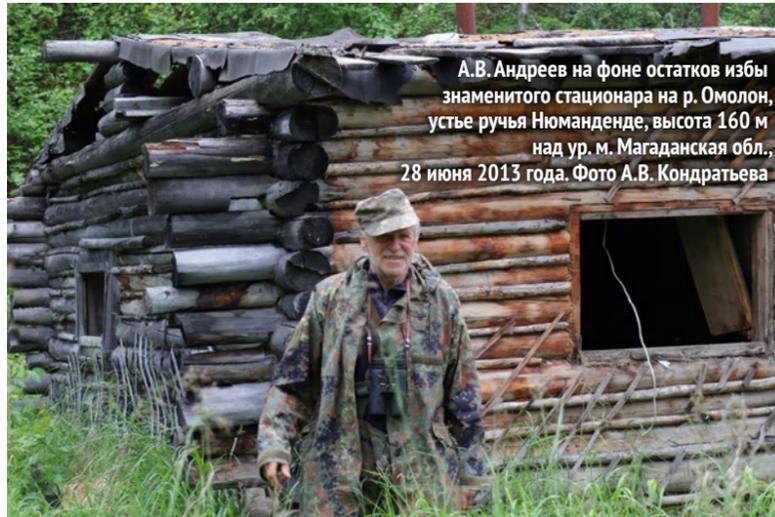
Было удивительно, что уютному быту и налаженной жизни в Ленинграде, с его неплохим научным сообществом, уникальными музеями, богатыми библиотеками, замечательными театрами, Саша предпочел весьма дальний форпост советской науки. Однако его манила возможность изучения птиц крайнего северо-востока Азии.

В Магадан он уехал сначала один, но после получения жилья туда переехала и его жена, наша симпатичная и умная однокурсница Кира Регель из семьи потомственных ученых (мать — зоолог, отец — физик, деды — биологи). Она училась на соседней кафедре зоологии беспозвоночных. В Магадане счастливая молодая пара осталась на всю жизнь, работая вместе в Институте биологических проблем Севера (ИБПС), но не порывая душевных, дружеских, семейных и, конечно, научных связей с городом на Неве.

Начинающий ленинградский орнитолог, в 1971 году зачисленный на высокую должность старшего лаборанта с высшим образованием, поставил перед собой амбициозную и невероятную по трудности научную задачу: выяснить особенности экологии и биоэнергетики птиц, зимующих в Колымском крае, и понять, как происходит их адаптация к обитанию в экстремально холодных условиях. Позже во введении к своей книге «Адаптация птиц к зимним условиям Субарктики» (о ней речь еще впереди) он даже отметил, что среди других районов Субарктики северо-

восток Азии выделяется наиболее холодной и длительной зимой.

Действительно, уже в первый сезон своих полевых работ на удаленном стационаре на реке Омолон, правом притоке Колымы, Александр столкнулся с температурами от -57 до -55 °С, которые удерживались в течение декабря 1971 — января 1972 года. Казалось бы, заявленная им миссия явно невыполнима, особенно если учесть, что абсолютный минимум достигал здесь -67 °С. Однако, как он успокаивающе написал всё в той же своей книге, «среднедекадные температуры в эти месяцы были, конечно, выше». Нижняя граница — всего-навсего -50 °С! Пустяки! Правда, птицы иной раз могут падать замертво на лету.

А.В. Андреев на фоне остатков избы знаменитого стационара на р. Омолон, устье ручья Ньюманденде, высота 160 м над ур. м. Магаданская обл., 28 июня 2013 года. Фото А.В. Кондратьева

Обычного человека (например, меня) замучил бы вопрос: как при таких ужасных условиях не погибнуть? Однако молодого энтузиаста орнитологии больше беспокоила проблема, как количественно оценить те или иные аспекты зимней экологии птиц. От ежедневных тщательных наблюдений дотошный натуралист перешел к разработке новых разнообразных методик и инструментов, проведению остроумных полевых экспериментов, позволяющих определить калорийность пищи птиц, силу клюва, суточный бюджет времени, скорость движения особи при кормлении и т. п.

В итоге ему удалось собрать уникальные данные — например, по энергии существования тетеревиных птиц при -40 °С. Однажды я спросил Сашу: а если бы ты заболел или что-нибудь случилось? Его ответ меня поразил: если проблеме нельзя решить на месте, то надо просто постараться достичь на лыжах ближайшего населен-

ного пункта. Замечу, что это — десятки, а иногда и сотня-другая километров по зимней горнолесной местности.

Уже в студенческие годы Саша выделялся своей самостоятельностью, независимостью в поведении, отсутствием суетности, немногословностью, пониманием того, что он делает, и мастеровитой деловитостью в житейских делах (руки у него были на месте — он мог, например, сам построить таежную избушку). Всё это сочеталось с несомненной харизмой. В нем чувствовалась мужская надежность, не сентиментальный, а несколько суровый романтизм, вело чем-то давно ушедшим из нашего потребительского конформистского общества. С возрастом эти его черты становились всё рельефнее.

Поразительные научные исследования жизни птиц в экстремальных условиях принесли выдающиеся результаты и позволили защитить отличную кандидатскую диссертацию (1977). А в 1980 году в издательстве «Наука» в Москве вышла книга «Адаптация птиц к зимним условиям Субарктики», за которую ему была присуждена премия Ленинского комсомола (1981). В шутку я поздравил 33-летнего Сашу с получением гарантии обеспеченной старости, так как в советское время таким лауреатам при достижении ими пенсионного возраста полагалась довольно высокая персональная пенсия.

У Саши никогда не было стремления к формальной карьере. Тем не менее в этом отношении всё складывалось довольно удачно. В 1973 году его зачислили в аспирантуру ИБПС, и затем он постепенно поднимался по служебным ступенькам, став младшим (с 1977), а затем и стар-

шим (с 1980) научным сотрудником. Вскоре был назначен заместителем директора по научной работе (1982) и руководителем лаборатории орнитологии (1989). В 1990 году защитил докторскую диссертацию, а в 1991–1992 годах даже исполнял обязанности директора института. Однако его в гораздо большей степени влекла деятельность исследователя и природа во всех ее проявлениях.

Впоследствии Александр Владимирович, самостоятельно или в сотрудничестве с отечественными и зарубежными коллегами, выполнил ряд первоклассных исследований по популяционной экологии птиц северо-востока Азии, в том числе обитателей водно-болотных угодий и морских колониальных видов. Он также сформулировал свой взгляд на понимание роли Берингии в формировании разнообразия орнитофауны Северной Пацифики.

От изучения птиц Александр Владимирович перешел к анализу мест их обитания. Как истинный натуралист широкого профиля и равнодушный человек, он не мог пройти мимо проблемы охраны природы, которая стала насущной даже в этих, казалось бы, довольно безлюдных местах. Поэтому не удивительно, что он стал уделять большое внимание охране птиц, а также обследованию существующих заповедных территорий и разработке новых. В 2013 году вышла его монография «Эталоны природы Охотско-Колымского края».

Несомненные достижения Александра Владимировича в области орнитологии и охраны природы принесли ему широкое международное признание. В частности, он был избран членом нескольких престижных профильных международных комитетов и научных обществ, в том числе вице-президентом Азиатского совета BirdLife International. Последовали также многочисленные приглашения прочесть лекции в Европе, Северной Америке и Азии. Зарубежные коллеги приезжали и к нему, чтобы проводить совместные исследования. В 1995 году он получил премию Японского общества содействия прогрессу науки.

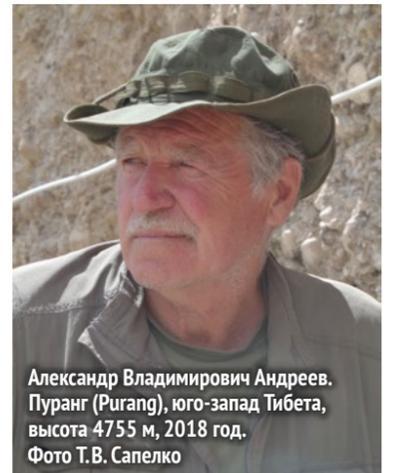
Александр Владимирович был страстным любителем природы, которую он очень тонко чувствовал, и, несомненно, ощущал себя ее неотъемлемой частью. Как-то раз после посещения высокогорного монастыря в Западных Гималаях мы (оба атеисты) завели беседу о религии. Саша в шутку заявил, что, несмотря на притягательность тибетского буддизма с его подкупающей идеей сострадания, он всё-таки считает себя «континентальным синтоистом»¹.

Александр Владимирович обладал огромным опытом полевых исследований, проходящих нередко в сложных, а подчас и в опасных условиях. Однажды в тайге у Комсомольска-на-Амуре на него напал медведь. 24 сентября 2015 года он написал мне: «Вполне мог остаться там навсегда». В своих работах Саша умело сочетал полевые наблюдения с экспериментальным подходом и необходимыми теоретическими построениями. Со студенческой поры экспедиции стали для него важнейшей стороной его многогранной жизни. За многие годы он побывал на Европейском Севере, в Армении, на Аляске и, конечно, на Дальнем Востоке. Последняя его экспедиция прошла этим летом вновь по Колыме и Омолону.

Уже в зрелом возрасте (62 года) Александр Владимирович увлекся изучением птиц и природы Гималаев и Тибета. В 2011 году он вошел в состав первой западно-гималайской комплексной биогеографической экспедиции, положившей начало большому проекту Санкт-Петербургского союза ученых. Он сразу стал одним из

ключевых участников во всех экспедициях, охвативших Западные Гималаи (Джамму и Кашмир, Ладак, Химачал-Прадеш, Уттаракханд), Центральные Гималаи (Непал) и Тибет. Его мнение всегда очень высоко ценилось и подчас было определяющим. Одной из главных задач этого проекта были поиски южной границы Палеарктики, то есть нашей природы. Так в полевых исследованиях Александра Владимировича Андреева соединились крайний север и крайний юг.

К сожалению, поездка на запад Гархвала (Индия, 2019 год) в район перехода между бассейнами Инда и Ганга оказалась для него последней, так как две экспедиции СПбСУ в Западные Гималаи 2020 года, в том числе в знаменитую высокогорную Долину цветов, куда он очень хотел попасть, не состоялись из-за пандемии коронавируса. В 2018 году Александр Владимирович стал первым российским орнитологом, обследовавшим фауну птиц юго-запада Тибета (верховья реки Сатледж). В свое время туда планировал пройти через запретную тогда священную Лхасу еще Н. М. Пржевальский, однако он умер от брюшного тифа в самом начале своей пятой тибетской экспедиции (1888).

Александр Владимирович Андреев. Пуранг (Purang), юго-запад Тибета, высота 4755 м, 2018 год. Фото Т.В. Сапелко

На основе гималайских поездок Александр Владимирович опубликовал серию научных и научно-популярных статей, в том числе в ТрВ-Наука с описанием наших странствий². На протяжении ряда лет он готовил также книгу «Птицы Западных Гималаев». Это была бы первая в мире монография на эту тему. Увы, неожиданная смерть прервала реализацию этого отличного замысла. Остались его дневники, которые он вел в ходе экспедиций, а также тысячи фотографий.

Александр Владимирович был замечательным фотографом. Он исследовал от своего отца-художника понимание важности композиции. Его многочисленные цветные фотографии опубликованы в упомянутых научно-популярных статьях, а также в моей книге «Извара, Н.К. Рерих, Гималаи» (2014).

Александр Владимирович Андреев был удивительным человеком. Он обладал цельным, независимым и твердым характером, был истым исследователем Севера и по своему типу напоминал героев произведений Джека Лондона, которые очень любил. Друзья и коллеги Александра Владимировича всегда высоко ценили его целеустремленность, приверженность идеалам, принципиальность, неприятие зла и несправедливости. Он был хорошим товарищем, а для многих и образцом для подражания. Светлая ему память!

Лев Боркин, вед. науч. сотр. Зоологического института РАН, руководитель Центра гималайских научных исследований СПбСУ

1. trv-science.ru/tag/gimalajskij-proekt/
2. ranaesc.ru/borkin.html

¹ Синтоизм — традиционная религия японцев, обожествляющая природу. Она предполагает, что духи (ками) живут в каждом объекте, от дерева или камня до горы, озера или реки, и жить надо в согласии с природой.

² Список его гималайских публикаций можно найти на сайте газеты [1], а также на сайте [2], где размещены работы Центра гималайских научных исследований СПбСУ.